

ПАВЕЛ ПИРАИНГ

СОФИЯ

ИВАН III И СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ
МУДРОСТЬ И ВЕРНОСТЬ
ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ЛЮБВИ

Павел Пирлинг

София

«Центрполиграф»

УДК 94
ББК 63.3

Пирлинг П. О.

София / П. О. Пирлинг — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06622-0

У Софии, дочери византийского деспота Фомы Палеолога, было несколько претендентов на ее руку. Но когда в 1467 году скончалась супруга Ивана III, папа Павел II предложил государю всея Руси взять в жены Софию. У папы были большие планы на Востоке. Этот брак оказался удачным, хотя и не безоблачным. Как бы там ни было, София Палеолог оказала огромное влияние на всю дальнейшую историю Руси.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06622-0

© Пирлинг П. О.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Палеологи в Риме	8
Глава 2. Вольпе и Джиларди в Италии	13
Глава 3. Брак в Ватикане	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Осипович Пирлинг

София

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Предисловие

Несмотря на всю важность некоторых исторических вопросов, они подвержены бывают двум роковым случайностям: с одной стороны, как бы ни было значительное событие, оно с недостаточной полнотой отражается в памятниках прошлого, и, в свою очередь, эти редкие и драгоценные источники не привлекают в надлежащей степени внимания историков. Оттого могут пройти целые века, пока разъяснится дело и разрешатся сомнения. Предмет настоящего исследования служит тому поразительным примером.

Возникновение восточного вопроса, первые проблески минутного Возрождения в России связаны с браком московского государя с наследницей Византии. Его высокое значение было понято уже современниками. Венецианские дожи предугадали его возможные последствия. Рим, продолжавший еще быть центром социальной жизни, принимал в нем участие, и бессмертный Виссарион считал его за доброе предвещание для будущего. Однако из многочисленных римских летописцев этого времени только один Джакомо Маффеи деи Вольтерра сохранил нам рассказ, более или менее точный, о браке Зои Палеолог; другие же итальянские анналисты говорят о нем едва несколько слов, а большая часть хранит полное молчание. Та же скудость сведений в древлехранилищах, откуда можно было ждать откровений: в архивах Ватикана, в базилике Святого Петра до сих пор ничего не было открыто. Один только том собрания Климента XI¹ содержал несколько замечаний о сношениях Сикста IV с Москвой. Но и этот последний свидетель прошлого сначала перешел в неаполитанский бурбонский музей, а затем исчез совершенно. Впрочем, несколько лучей света бросают архивы Италии и Германии. Я счастлив и горжусь тем, что первый указываю на них, несмотря на многочисленные пробелы, которые дают себя тяжело чувствовать.

Удел Востока был не лучше. Кроме Франдзи и Ласкариса, дающих ценные, хотя и скудные подробности, остальные византийские летописцы совершенно безмолвствуют.

Один грек, очевидец брака Зои, Феодор из Газы, поспешил послать описание этого торжества своему другу Франческо Филельфо. Благодарственный ответ последнего не в состоянии вознаградить почти несомненной отныне потери этого документа.

Русские летописи, и в особенности Никоновская, говоря о бракосочетании, просто-душно описывают все подробности длинного путешествия, совершенного невестой, и сообщают обо всем том, что происходило в Москве. Рассказы эти сильно нуждаются в проверке, а проверка всегда будет недостаточной до тех пор, пока их нельзя будет сопоставить с версией другого происхождения.

При таком положении дела не естественно ли предположить, что историки заменили скудость памятников и молчание источников тем более тщательным рассмотрением и тем более строгой критикой обрывочных сведений, дошедших до нас?

По правде сказать, этого нет или почти нет. Брак Зои Палеолог, главным образом — что и естественно, — занимал русских. Нет ни одного национального историка, который не упоминал бы о нем. Авторы более серьезные останавливаются на нем долго. И при всем том, — кто бы тому поверил? — хотя один и тот же предмет так часто трактовался столькими лицами, однако никто еще не пытался отнести к нему сколько-нибудь критически. В начале XIX века Карамзин воспроизвел русских летописцев с обрывками текста Маффеи в том виде, как они приводятся у Райнальди. Не имея под рукой своего экземпляра *Annales*, сгоревшего во время пожара в Москве 1812 года, он прибавил к ним странные варианты. Те же факты и те же ошибки повторяются лучшими русскими историками в их трудах, вышедших недавно

¹ *Varia spectantia ad Moschoviam et Moschovitas collecta anno 1710.*

в свет. Нужно думать, что позднейшие исследователи сами не восходили до источников, а предпочли положиться с большою доверчивостью на знаменитого историографа.

Несколько лет тому назад ученый небосклон, казалось, должен был проясниться. Человек с большою компетенцией и тонкой эрудицией, Карл Гопф направил свои занятия и свои изыскания на Зою Палеолог, возбуждая, таким образом, к самым блестящим надеждам. Смерть помешала издателю греко-римских хроник продолжить свой труд. Произвел ли он новое открытие? Погребены ли они в его портфелях? Какова будет судьба этих последних? – вот вопросы, на которые мы не имеем данных ответить.

Если у нас недостает этих сведений, очень желательных, то, по крайней мере, мы располагаем несколькими неизданными документами, при помощи которых можно отчасти переделать эту страницу истории и установить некоторые новые выводы.

Венецианские архивы послужили точкой отправления для наших изысканий. Мы смогли отождествить знаменитого Ивана Фрязина с Жаном Баттистой дела Вольпе и его племянника Антона с Антоном Джиларди. Исторгнутые из полумрака легенды, оба главных деятеля в устройстве брака Зои и татарского союза стали историческими личностями. Образ их действий раскрылся теперь, и о нем можно судить не наугад. Из Виченцы, где была их родина, мы получили любопытные сведения об их общественном положении, об их семьях, чем мы обязаны аббату Морсолину, оказавшему нам содействие своим блестящим образованием.

Государственные архивы Рима вывели на свет настоящее имя легата, посланного Сикстом IV в Москву: то был не кто иной, как епископ Аччии – Антон Бонумбре.

Вооружившись этими сведениями, мы последовали за византийской принцессой в ее путешествие из Рима в Москву через Италию и Германию. Витербо, Сиена, Болонья, Виченца, Нюрнберг, Любек – свидетели ее проезда – рассказали о празднествах, данных по этому случаю, и передали впечатления зрителей.

Главный интерес сосредоточивается около брака, заключенного, под покровительством пап, между православным государем Москвы и принцессой византийской, считавшейся католичкой, между Иваном III и Зоей Палеолог. Как увидим, Вольпе пустил в ход здесь все средства своего изобретательного ума и незастенчивой совести. Нам кажется, что это – новый достоверный факт, приобретенный историей.

Союз с дочерью цезарей, воспитанной в Риме, поставил русских в более частые соприкосновения с Европой и принудил их высказаться о восточном вопросе.

Мы набросали очерк первых дипломатических опытов этой державы, предназначенной играть столь важную роль в мире. События и время с тех пор сильно изменили международные отношения, но часто одно прошлое может объяснить неожиданности настоящего. Тщетна надежда узнать современную Россию, не восходя глубже в ее историю.

Глава 1. Палеологи в Риме

Виссарион во Флоренции. Иоанн VIII и Запад. Битва при Варне. Падение Константинополя. Проекты Крестового похода. Дома Палеологов в Риме. Глава святого Андрея Первозванного. Смерть Фомы. Его дети в Риме. Программа их воспитания, составленная Виссарионом. Ее латинский дух. Рука Зои предлагается королю кипрскому. Проект этот оставлен. Брак или помолвка Зои с итальянцем. Зоя возвращает свою свободу. Король кипрский слишком поздно берется опять за проект брака с нею. Переговоры с Москвой увенчались успехом

В то время как христианский мир соединился на Ферраро-Флорентийском соборе в 1438 и 1439 годах, наиболее замечательную роль играл там Виссарион. Красноречивый и ловкий, пламенный патриот и тонкий богослов, умеющий владеть людьми и пером, митрополит Никейский в высокой степени содействовал величественному делу, которое так метко называют «обручением Востока с Западом». Но булла Евгения IV, прочитанная Виссарионом по-гречески под сводами, воздвигнутыми Брунеллески, ограничивалась вопросами веры и догматами; роковой ход событий вызывал политические вопросы крайней важности. Из глубины Азии грозная сила вторглась на Балканский полуостров. Уже печальные имена Косово и Никополь стояли в военных летописях турок. Южные славяне частью стонали под игом неверных. Первая неудача под стенами Византии только воспламенила ярость свирепых завоевателей: ислам стоял на страже у Босфора и пожирал взором свою слабеющую добычу.

Император Иоанн VIII Палеолог чувствовал грозность опасности и, оспаривая условия религиозного мира с Римом, все-таки требовал от Запада помощи против турок. Можно ли было льстить себе надеждою на успех, не будучи опрометчивым?

Дух Крестовых походов мало одушевлял Европу в XV веке: Германия тратила силы в феодальных спорах и вверяла свою судьбу слабому Фридриху III; Франция Карла VII, занятая Столетней войной, не была Францией, полной энтузиазма, как при Людовике Святом. Венецианская синьория замкнулась в осторожном выжидании; Испания боролась с маврами. Тем не менее на голос папы Евгения под знамя святого Петра стекались воины всех народностей; несколько галер появилось в Средиземном море, кардинал Чезарини был послан проповедовать крест в Венгрию; балканские славяне горели воинственным жаром. Уже стали пробуждаться надежды на успех, как вдруг варнский погром лишил мужества самых храбрых. Николай V, меценат гуманистов, страстный друг литературы и искусств, перестраивавший Рим на свой счет и полагавший основание Ватиканской библиотеки, тем не менее продолжал дело Евгения IV, возобновляя призыв государей к союзу против турок и расточая, в случае надобности, пособия из папской казны. Решительная минута в самом деле наступала: вблизи Галаты крепость Богаз-Кессен возвышалась как угроза и вызов. Раз международное право было дерзновенно попрано, нужно было взяться за оружие и принять неравную борьбу. Император Константин Драгез нашел в себе на краю пропасти и гордость Цезаря, и пыл героя. Ни его благородные речи, ни его отчаянное сопротивление не могли спасти Константинополя. Магомет II окружил город, дикая количественная сила восторжествовала над мужеством осажденных, Святая София была осквернена, имя Аллаха прозвучало под ее сводами. В течение трех дней город был предан огню и мечу и отдан на разграбление разнузданному войску.

С падением последнего оплота Византийской империи избыток бедствия налагал новые обязанности на народ, подвергшийся такому ужасному испытанию.

Страждущее отечество требовало быстрой помощи: решительный Крестовый поход против турок сделался предметом непрестанных забот Виссариона, глубоко преданного своей стране и неутомимого борца за унию с Римом. Участник тайных папских совещаний, кардинал Византийский развивал там средства пробудить Запад от его оцепенения и сделал популярным святое предприятие. На конгрессе в Мантуе он расточал свое красноречие и свое знание, чтобы воздвигнуть новых Маккавеев на защиту Пелопоннеса; папский легат в Германии и потом в Венеции, имевший более удачи и лучше принятый в городе лагун, чем в Нюрнберге, Вормсе и Вене, он стал благодаря своим талантам и своей деятельности душой христианской конфедерации и апостолом возмездия. Смелость проектов не пугала его, лишь бы только возрожденная Греция осталась верна Флорентийскому акту. В кругу этих идей, преследуя постоянно одну и ту же цель, он содействовал сближению, богатому важными последствиями: мы разумеем брак Ивана III, великого князя Московского, с наследницей Палеологов, последним отпрыском последней византийской фамилии.

Чтобы разобраться в сцеплении событий, нужно вернуться к 1453 году. Когда знамя пророка было водружено на Босфоре, принцы Дмитрий и Фома, братья героя Константина, находились в Пелопоннесе. Но господство их там было не прочно: братоубийственная и кровавая борьба, алчность Магомета ускоряли роковую развязку. Вскоре Дмитрий, жертвуя своей честью, отдал дочь свою в гарем султану, чтобы получить ничтожное и позорное вознаграждение. Более гордый и лучше настроенный господарь морейский Фома, когда у него истощились средства и силы, предпочел позору страдание добровольного изгнания. Уже давно находился он в сношениях с Римом, Венецией и Флоренцией. За неимением помощи людьми и деньгами ему расточали по крайней мере сладкие речи. Да к тому же итальянские государи, на которых все ближе надвигалась опасность, не нынче-завтра могли увидеть себя вынужденными взяться за оружие против турок. Оттого-то Фома рассудил отправиться в Италию. Оставив в Корцире, ныне Корфу, свою жену и детей, он отправился в Анкону 16 ноября 1460 года. Бывшая с ними драгоценная святыня обеспечила ему благосклонный прием в Риме: перед тем как покинуть Патры, он взял главу святого Андрея, почитаемого в этом городе. Лишь только весть об этом распространилась, западные государи наперебыв принялись оспаривать друг у друга честь владения святыми останками и делали господарю соблазнительные предложения, но он, уступая настояниям Пия II, предпочел Рим. Весь город отправился навстречу апостольской главе, которая с торжеством была положена в церкви Святого Петра 13 апреля 1462 года. Энтузиазм народа, сбегавшегося со всех сторон в громадном количестве, равнялся только блеску религиозного торжества; никогда еще, насколько запомнит людская память, не расточалось столько пышности. По этому случаю кардинал Виссарион, рядом с которым находился старый и немощный кардинал русский² Исидор, произнес красноречивое слово, показавшееся слишком длинным только образованному Энею Сильвию и заключавшееся горячим призывом к Крестовому походу. Такова должна была быть, по мысли папы, истинная цель этого внушительного торжества.

Отблеск доброго настроения, вызванного этими празднествами, пал на господаря морейского. Рим всегда был убежищем для государей, лишенных короны; этот род гостеприимства входит в папские традиции. Фома был помещен на счет папы в Санто-Спирито в Сассии, обширном здании, расположенном в Леоновом квартале (Cite' Le'onine) саксонского происхождения VIII века, содержащего церковь, школу и госпиталь. Ежемесячное содержание в 300 золотых экю было назначено принцу, лишенному всех средств к существованию; кардиналы прибавили еще 200; этого было достаточно, при некоторых маленьких других пособиях, для скромной жизни.

² Автор везде называет их под римским титулом.

В знак благоволения, чтобы сделать Фоме менее горьким хлеб изгнания, папа дал ему золотую розу, которая дается ежегодно какому-нибудь государю за услуги церкви. Исключая этих материальных подробностей и нескольких заметок дипломатов, мы имеем только беглые намеки Виссариона насчет пребывания господаря в Риме. Несчастье сблизило этих двух сынов Востока: отселе кардинал будет другом и поверенным несчастного отца, заботившегося о судьбе нежно любимых детей. Испытания Фомы в Италии длились не долго: 12 мая 1465 года он мирно почил на руках верного Виссариона. Смертные останки принца были погребены в склепе Святого Петра. Его черты, замечательной красоты, были воспроизведены, по словам одного витербского летописца, по приказанию папы, в статуе святого Павла, предназначенной украшать лестницу Ватикана³.

Дети господаря были лишены утешения отдать последнее целование своему отцу. Во время его кончины они подъезжали к Анконе. Фома Палеолог женился в 1430 году на принцессе Екатерине, дочери Чентурионе Захария II, которого он лишил престола, чтобы стать вместо него господарем в Морее. Четверо детей были плодом этого союза: Елена, старшая дочь, вышла замуж в 1446 году за короля сербского Лазаря II; после смерти своего мужа она в монастыре нашла убежище для своего печального вдовства. Трое других детей, высадившихся в Анконе, назывались: Андрей, Мануил и Зоя. Последняя, более известная в истории под именем Софии, займет нас главным образом. Относительно воспитания детей Фомы в Риме сведения сообщаются только одним источником: это письмо или, скорее, программа занятий и воспитания, составленная Виссарионом в 1465 году и сохраненная Франдзи, верным слугой Палеологов. Душа великого кардинала обнаруживается всецело в этом документе: бедный и темного происхождения, достигший высокого общественного положения своими заслугами и талантами, вынужденный жить на Западе, он узнал тяжким опытом способ обращения с латинами, цену денег и личного достоинства; всем этим юные принцы должны были воспользоваться. Прежде всего Виссарион отправил свое письмо не к ним прямо, по причине их еще слишком юного возраста, а к их наставнику, имя которого осталось неизвестным и который имел у себя помощником доктора Критопула. В первых строках идет дело об их домашнем обиходе, рассчитанном так, чтобы окружить принцев известным блеском, не отягощая их бюджета. Из 300 экю, которые ежегодно будут даваться им казначейством, так же как ранее их отцу, 200 предназначаются для самих принцев на их одежду, лошадей и прислугу; из этой суммы должны делать сбережения на непредвиденный расход; остальными 100 экю нужно покрывать содержание скромного двора принцев. Виссарион упоминает одного медика, одного профессора греческого языка, одного профессора латинского языка, одного переводчика, одного или двух латинских священников. Вообще он советует со кратить жалованье, чтобы увеличить персонал, но и здесь еще есть границы: римляне глядели косо на многочисленных приживальщиков, толпившихся вокруг Фомы, не должно впасть в то же излишество. Эти материальные подробности были необходимы в силу вещей, ибо принцы были доведены до нищеты, но Виссарион торопился подняться выше и очертить начало нравственного воспитания. Здесь речь кардинала становится крайне резка. «Знатность, – говорит он Палеологам, – не имеет цены без добродетелей, тем более что вы сироты, изгнанники, нищие; не забывайте этого и будьте всегда скромны, любезны и приветливы; занимайтесь серьезно учением, чтобы занять впоследствии положение, вам приличествующее». Оставался вопрос самый деликатный – о религии и об отношении к Риму. Досадное происшествие, о котором смутно говорится в письме, случилось, как кажется, в дороге: во время молитвы за папу принцы покинули церковь. Речь Виссариона принимает по этому поводу угрожающий тон: он называет подобный скандал недопустимым и, опираясь на волю их покойного отца, ставит им дилемму: или следовать его советам, или поки-

³ Pii II. Commentarii. P. 130, 192–202.

нуть Запад. Если они хотят остаться между латинами, пускай живут как латины, пускай одеваются как латины, посещают латинскую церковь, преклоняют колена пред кардиналами и ведут себя смиренно и покорно пред папой, к которому они должны обратиться с маленькой речью во время первой аудиенции. Чтобы рассеять даже тень сомнения, кардинал возвращается еще раз к необходимости единения с латинами даже в литургии. «У вас будет все, – таково последнее его заключение, – если вы станете подражать латинам; в противном случае вы не получите ничего»⁴.

Эта речь не без основания может показаться удивительной в устах того, кто работал над соединением церквей на двойственной основе единства в вере и разности в обрядах, ибо таков был плодотворный принцип, принятый на Флорентийском соборе. Откуда же является теперь это странное пристрастие в пользу латинства? Настойчивость Виссариона можно объяснить только политической необходимостью: для спасения Византийской империи нужно было решиться на высшую жертву.

Если содержание программы, назначенной для детей Фомы, дошло до нас, то способ, которым она применялась, остается во мраке, ни одна подробность не спаслась от забвения. На официальном языке этого времени принцесса Зоя называется возлюбленной дочерью Римской церкви, воспитанной на ее счет и ее попечением, любезной первосвященникам, которые осыпают ее благодеяниями. Совокупность обстоятельств, дружественные отношения Фомы к Виссариону, несколько важных документов дают нам право думать, что кардинал Никейский смотрел на себя как на опекуна юных принцев. Во всех случаях русские и византийские летописи выставляют его действующим лицом, когда дело идет о проектах брака Зои. Уже начиная с 1466 года венецианская синьория на просьбу короля кипрского Якова II Незаконнорожденного указать ему на наивыгоднейший для него брак направила его внимание на дочь Фомы и выставила на вид все выгоды союза с ней; но так как они сводились в блеску ее имени и славе ее предков – плохому оплоту против оттоманских кораблей, крейсировавших в Средиземном море, сенаторы святого Марка, как благоразумные люди, предоставляли это дело на усмотрение короля и его доброй воле. Яков Лузиньян не дал тогда ему хода, а взявшись за него впоследствии, не имел успеха. Другим претендентам судьба более благоприятствовала.

Мы здесь находимся пред довольно темным событием в истории Палеологов, не подлежащем, однако, сомнению, если не отбросить произвольно свидетельство Франдзи. Этот летописец рассказывает, что около 1467 года папа Павел II предложил при посредстве Виссариона двум византийским принцам – Андрею, уже украшенному титулом господаря, и Мануилу – выдать их сестру замуж за князя Параччиоло, столько же благородного знатностью своего рода, сколь несметным богатством. Переговоры открылись немедленно. Поставленные условия были приняты обеими сторонами, после чего приступлено к обручению. Франдзи высказывает свою радость по поводу того, что присутствовал при нем, и благодарит богатого жениха за его щедрые подарки. Таков рассказ очевидца, очень преданного Палеологам, которому не было никакой выгоды выдумывать легенды⁵. Но Параччиоло у Франдзи не есть ли скорее Караччиоло, как подозревают ученые? Ответ сомнителен: если последнее имя более знаменито, то нужно сознаться, что генеалогия Караччиоло римских и неаполитанских не упоминает никакого союза с Палеологами. Обручение, засвидетельствованное Франдзи, совершающееся у греков с таким же торжеством, как самый брак, имело ли своим последствием брак действительный, или от него пришлось отказаться? На этот счет источники безмолвствуют. Одно несомненно, что начиная с 1469 года или вследствие смерти сво-

⁴ Текст письма у Франдзи, Migne, Patrologie, CLVI, col. 991–998; см. также Ласкариса *ibid.* CLXI, col. 963.

⁵ *Phrantzes*, loc. cit., col. 998.

его первого супруга, или вследствие расторжения уже принятых обязательств Зоя была свободна заключать новые.

Яков II, однако, о котором была уже речь, одумался слишком поздно. В конце 1472 года он послал в Рим архиепископа Никозийского Фабриция, прося утверждения королевского титула и руки Зои. Это посольство потерпело двойную неудачу: Сикст IV не хотел повредить королеве Шарлотте Лузиньян и отказал в содействии узурпатору. Что касается до византийского брака, то о нем не приходилось более думать. Венеция настаивала на союзе Якова II с Екатериной Корнаро, носившей имя дочери республики, в ожидании, что ее новое отечество даст ей более лестный титул, Венеры Кипрской. К тому же свадебные переговоры с великим князем Московским имели успех; наследницы цезарей не было более в Италии. Это приводит нас к самому ядру вопроса: браку Зои с Иваном III.

Глава 2. Вольпе и Джиларди в Италии

Грек Юрий и два итальянца в Москве. Рука Зои предлагается Ивану III. Роль Виссариона и папы Павла II. Шансы на успех. Политика Москвы. Совет в Кремле. Принятие предложения. Вольпе, его происхождение, его семья, его характер. Он послан в Италию. Зоя соглашается на брак. Подробности о Джиларди. Он предложил Венеции устроить союз с татарами. Тревизан, посланный в Золотую Орду, отправляется в Москву вместе с Джиларди

Русская летопись рассказывает следующим образом о предварительных переговорах, подготовивших это событие. 11 февраля 1469 года грек по имени Юрий явился в Москву с поручением Виссариона. Кардинал Византийский писал великому князю Ивану III о том, что в Риме была «православная христианка», по имени София, дочь бывшего господаря морейского Фомы Палеолога, что она уже отказала из отвращения к латинству двум западным государям, королю французскому и герцогу миланскому, но что великому князю нечего опасаться этого; если он пожелает жениться на принцессе, то ее поторопятся прислать в Москву. В то же время, прибавляет летописец, прибыли два итальянца, или, по русскому выражению, два фрязина: Карло и Антон. Один был старшим братом Ивана Фрязина, итальянского монетчика в Москве; другой, его племянник, сын старшего из братьев.

Эти два показания, как мы сейчас увидим, находясь в зависимости друг от друга, взаимно пополняются. Скажем сначала, что подробности летописца не выдерживают критики. Во-первых, Зоя еще не принимала имени Софии, во-вторых, ни Людовик XI, женатый вторым браком с 1452 года на Шарлотте Савойской, ни гордый Галеаццо Сфорца не искали чести союза с византийской сиротой. Обручение с Караччиоло и советы Венеции королю кипрскому, может быть, вызвали это недоразумение. Равным образом нельзя допустить, чтобы прямой и искренний Виссарион, преданный латинам на Западе, стал в Москве чернить латинство, к которому он так склонял Зою. Впрочем, основа рассказа, кажется, не подлежит сомнению.

В самом деле, в письмах к сиенцам от 10 мая 1472 года, о котором еще будет речь, кардинал Никейский, патриарх Константинопольский с 1463 года, утверждает ясно, что этот брак был предметом его отеческих забот. Уединившись в Гротту Феррату во время краткой опалы при дворе Павла II, Виссарион вел там жизнь деятельную и полную оживления: он окружил себя учеными, занимался философией и литературой, принимал деятельное участие в движении Возрождения, но литературный Крестовый поход не заставлял его, однако, забывать об его любимых проектах религиозного Крестового похода и византийской реставрации. Когда он вернул свое положение в Риме и свое прежнее влияние, у него умножились средства действий. Некогда он находился в дружеских отношениях с Исидором киевским, который мог говорить ему о военной силе русских, об их ненависти к иноверцам и о способе извлечь из этого пользу. Помимо того, с точки зрения политической выгоды этого брачного союза были слишком очевидны сами по себе, чтобы их мог не заметить просвещенный патриот, непримиримый враг полумесяца: новый союзник против турок, супруг Зои, мог сделаться могущественным покровителем Византии. Важный вопрос возникает здесь сам собой: действовал ли Виссарион самостоятельно и от своего имени, отправляя письмо великому князю, или по соглашению с папой и с его соизволения? Ответ на это дается старинной ватиканской рукописью.

10 июня 1468 года папский казначей записал в свою счетную книгу, что папа приказал заплатить 48 дукатов Николаю Джиларди, родом из Виченцы, и греку Георгию, посланным к Вольпе, живущему в России. Грек же Георгий есть грек Юрий русской летописи, ибо Юрий

есть славянская форма имени Георгия. Отождествление Николая Джиларди представляет более затруднения, если не допустить ошибки в крестном имени. Что касается Вольпе, то он сделается героем маленькой драмы. Оставим до другого места более подробное объяснение и сделаем непосредственный вывод об участии Павла II в предприятии, раз он знал о нем и оплачивал его действующих лиц⁶.

Попытка Виссариона имела серьезные шансы на благоприятный прием в Кремле. В конце XV века Москва переживала одну из знаменательных эпох, решающих будущее народа. Порабощенные в XIII веке монголами, изнывающие под их игом, истощенные тяжелой данью, русские увидели, наконец, просвет на их небе, постоянно мрачном. Они обязаны были этим гению Ивана Калиты и его преемников. Среди всеобщего упадка духа московские великие князья начали мудрую политику, которая должна была в конце концов обеспечить за ними успех скорее расчетом и коварством, чем оружием. Предупредительные и покорные по отношению к татарским ханам, они сделались главными сборщиками ежегодной дани, требуемой Сараем. Заведывание этими деньгами увеличило их средства, а княжеские раздоры давали им благоприятный повод непрестанно округлять свои границы, хотя бы вопреки традиционным правам других. Таким образом полагали они начало будущему колоссу, выжидая вместе с тем минуты, удобной для того, чтобы свергнуть ненавистное чужеземное владычество. Политический центр страны, Москва стала также центром религиозным, когда митрополит утвердил там свое местопребывание. Наконец, перенесение святой иконы, славной между всеми, иконы Владимирской Богоматери, дало ей в глазах народа верховное освящение. Иван III обладал в высокой степени достоинствами и недостатками его рода. Он прилагал их систему с суровой последовательностью и с жестокой энергией. Неразборчивый в выборе средств, без жалости и без сострадания к своей семье и к своим подданным, он думал только об утверждении своей власти, о создании государства единого и грозного, хотя бы ценой русской крови, проливаемой беспощадно. Ласкал ли внук Калиты мысль об империи? Осеняли ли его внезапно пророческие видения о величии его отечества? Влекла ли его бессознательная сила, или руководствовал им себялюбивый расчет? Увлекался ли московский государь монгольскими мечтами? Факт тот, что Иван III, преступив традиционные границы своей власти, стал истинным основателем деспотизма в России, то есть правительства личного и неограниченного, дозволившего ему, в конце его царствования, располагать самовластно короной, отнять ее у законного наследника и перенести ее на сына по собственному избранию.

Внезапное предложение невесты императорского рода должно было иметь успех у государя, столь же доступного честолюбию, сколь заботливого о будущем.

Судя по идеям того времени, русские испытали более удовлетворения, чем удивления. Союз такого рода не был первым в летописях страны. Не восходя до Владимира, женатого на гречанке, император Иоанн VIII, дядя Зои, был женат на русской. Если изумление и не было велико, народная гордость тем не менее была чрезвычайно польщена: даже в своих бедствиях Византия, источник веры и просвещения, не была лишена ореола. Высокопочтимое имя Цареграда, вызывая воспоминания, пробуждало надежды. Иван III, вдовец после Марии Тверской, имел только одного сына. Династические интересы склоняли его ко вторичному браку, между тем как пропасть, открывавшаяся уже между будущим деспотом и его подданными, делала чужеземку предпочтительней пред соотечественницей. Однако ранее, чем дать окончательный ответ, Иван, еще верный старинным обычаям, хотел посоветоваться с боярами, с матерью своей Марией и митрополитом Филиппом. По этому случаю умолчания и намеки должны были иметь место. Откровенное объяснение истинного положения дел вызвали бы бурю в совете. Если бы даже несколько голосов высказалось в

⁶ Архив Ватикана. Exitus, 472, p. 173b.

благоприятном смысле, глава русской церкви, митрополит Филипп, противник пап и отъявленный враг «латынской ереси», никогда бы не согласился на брак Ивана с женщиной, которую Виссарион считал вполне преданной Флорентийской унии. К несчастью, летопись в этом месте в высшей степени лаконична. Она сообщает нам только, что проект союза встретил всеобщее одобрение. Немедленно посланный великого князя, тот самый Иван Фрязин, который, как мы уже видели, принял своих родственников в Москве, получил приказ отправиться в Рим, поглядеть на невесту и привезти ее портрет. Эта личность будет играть слишком важную роль для того, чтобы не сосредоточить на ней теперь же внимания. Во-первых, кто он? Каково его настоящее имя, ибо Фрязин есть нарицательное название всех иностранцев латинского происхождения? Где его отечество и насколько он заслуживает доверия? Вот вопросы, которые остаются безответными более 400 лет и на которые итальянские архивы неожиданно проливают свет. Россия XV века, Белая Россия, как ее называли в восточном смысле слова, то есть великая, древняя, истинная, не имела частых сношений с Западом, если не считать Ганзы, владевшей цветущими конторами в Новгороде и гордой своей независимостью и своими богатствами. А вовнутрь страны едва изредка проникал тот или другой путешественник, и если несколько европейцев поселились в Москве, то число их было в высшей степени ограничено. Между ними является на первом плане Иван Фрязин русских летописей, он же Джан Баттиста делла Вольпе римских и венецианских источников. Происходя из Виченцы, он принадлежал к хорошему роду, издавна известному, переселившемуся из Германии, обладавшему достатком и доставившему стране выдающихся юристов и храбрых полководцев. Официальные документы называют его *civis* и даже *civis nobilis*. Его герб был красноречив: золотая или серебряная, по другому показанию, лисица, стоящая на задних лапах среди лазоревого поля. Его мать звали Элизой. У него было два брата – Карл и Николай. Его сестра Анжела, бывшая замужем за Ангариано, была к нему искренно привязана. Составляя свое завещание в 1459 году, она разделяет на равные части все, что назначает братьям, настаивая на том, чтобы доля Джана Баттисты хорошо охранялась и была в порядке до его возвращения из России или до присылки его поверенного. Двоюродный брат этой семьи владел в окрестностях Виченцы столь красивой и просторной виллой, что можно принимать в ней князей. В 1455 году среди обстоятельств, оставшихся неизвестными, Вольпе отправился попытать счастья сначала среди татар, а потом среди русских. Скоро увидим, что он был искатель приключений, хитрый и увертливый, беззастенчивый, принимающийся за самые большие предприятия, не затрудняясь в выборе средств.

В 1469 году, по летописи, он жил в Москве, имел доступ в Кремль и был монетчиком у великого князя. В силу этого им особенно должны были дорожить русские, еще малоопытные в тайнах металлургии и между тем готовившиеся завладеть Пермью, неистощимые серебряные рудники которой уже издавна были предметом их желаний. Важная подробность: добровольно или насильственно Вольпе был перекрещен в Москве, но в случае надобности готов был выдавать себя за католика. Повторение крещения, о котором упоминают местные источники, входит в обычай или, скорее, в злоупотребление эпохи, и в наши дни константинопольские греки еще не отказались от этого. Таков был человек, которого послал великий князь в Италию в марте 1469 года. Если обратить внимание на родство и отношение между Вольпе и агентами, которым было поручено вести переговоры о браке, легко заметить, что выбор Ивана III был сделан не случайно. Подозрения могут идти далее. Ловкий итальянец мог сам придумать свадебный проект, но за неимением доказательств историк ничего не должен утверждать.

О первом путешествии мы имеем, за исключением папского бреве, ниже приводимого, только скудные известия русских летописцев. Папский престол занимал тогда Пий II, которого преследовали своей ненавистью свободомыслящие гуманисты. В миру он носил великое имя Эней Сильвио Бартоломео Пикколомини. Он умер в Анконе, на пути в Святую

землю, со словами «Крестовый поход» на устах, с взором, обращенным к Адриатическому морю, призывая из всех своих сил венецианские галеры, которые появлялись медленно, чтобы взять на борт воинство, мало торопившееся своим отъездом. Кончина Пия II вызвала полную неудачу предприятия, не имевшего, впрочем, никаких шансов на успех. События не замедлили поставить папу лицом к лицу со страшным турецким вопросом, не допуская иного решения, кроме борьбы до крайности.

В 1467 году общее перемирие было заключено в Италии. Государи обещали пособие, папа обнародовал объявление войны, собрали значительные пожертвования, но кондотьер Коллеоне, предназначенный в начальники крестоносцев, никогда не отправлялся на Восток и не искал славы Готфрида Бульонского. Воинственные проекты, беспрестанно возобновляемые, сближали папу с Виссарионом и возвращали византийскому кардиналу его преобладающее влияние. Вместе с этим увеличивались благоприятные обстоятельства для брака, который мог бы укрепить антиоттоманскую лигу. Вольпе был слишком догадлив, чтобы не воспользоваться ими, но русские хроники, заключенные в узкий горизонт, не входят в эти подробности. Принцесса София, говорят они нам кратко, узнавши, что великий князь исповедует христианскую православную веру, немедленно же выразила согласие на брак. С своей стороны, папа поставил единственное условие, легко выполнимое: он потребовал присылки нескольких «бояр» в Рим для сопровождения невесты, когда она отправится в свое новое отечество. Ловкий Вольпе, осыпанный почестями и отличиями, получил от Пия II двухлетнюю охранную грамоту, разрешающую русским послам беспрепятственное путешествие по всем странам, которые «под его папство присягают». Этот рассказ, как бы ни был наивен по форме, имеет историческое основание в папском бреве от 14 октября 1470 года, адресованном к королю польскому Казимиру IV с просьбой разрешить свободный пропуск послам Ивана, отправлявшимся в Рим⁷.

В конце этого же года произошло событие, имеющее близкую связь с нашим предметом. У Вольпе был племянник, по имени Антон Джиларди. Фамилия Джиларди пользовалась в Виченце большим уважением: несколько ее членов, начиная с XIII века, отличались талантами, богатством и знатностью. Гербом этого дома был медведь, держащий палку и окруженный пятью звездами: тремя наверху и двумя внизу. Сам Антон пользовался на своей родине славой неутомимого путешественника. Проведя некоторое время в Москве, он явился в ноябре или декабре 1470 года пред венецианским сенатом и сделал ему соблазнительное предложение. В течение 16 лет не видевший своего отечества, живший сначала в Татарии, а потом в Москве, Джан Баттиста делла Вольпе, его дядя, так говорил Джиларди, был глубоко огорчен потерей дорогого венецианцам острова Негропонта, который недавно был завоеван турками. Чтобы помочь родине в ее отчаянном положении, постоянно подверженной нападению полумесяца, добровольный изгнанник задумал заключить союз с татарами Золотой Орды. Хан Магомет, Ахмат русских летописей, поклялся двинуть против турок 200 тысяч всадников. В подтверждение своих слов Джиларди предъявлял инструкции Вольпе и послание татарского хана: если синьории заблагорассудится, она может присоединить к себе нового и полезного союзника. Заметят, что осторожный племянник благоразумно обошел молчанием путешествие его дяди в Италию и свадебные переговоры; ничто из этого между тем не было от него скрыто, ибо русские источники сообщают нам, что Джиларди явился в Москву с поручениями касательно Зои и с охранными грамотами папы, имеющими силу не только в течение двух лет, но до «скончания века».

Как бы ни было смело предприятие Вольпе, оно было тем не менее в политических нравах венецианцев. Война с турками продолжалась с весны 1463 года и сводилась к целому ряду неудач: цветущие владения были утрачены, торговля с Левантом была подорвана, воен-

⁷ Raynaldi. XXIX, p. 480; Русские летописи. Т. VI. P. 8, 35, 50.

ный бюджет становился подавляющим, лучшие полководцы были убиты врагами, Бертольди д'Эсте, Витторе Капелло, Джакопо Барбариго и много других; никакой не было надежды на заключение мира, если уже не выгодного, то, по крайней мере, сносного. Но гордая республика, далекая от того, чтобы положить оружие, отправляла новые галеры в оттоманские воды и упорствовала в продолжении борьбы. В самый разгар войны в Морее явилась даже мысль заколоть султана при помощи наемных убийц, которые вызывались сами собою и которых «заказчики» возбуждали своими дукатами. Ловкие эмиссары отправились с большими расходами в глубину Азии подымать против турок – грузин и персов. Таким образом, и союзом с татарами не следовало пренебрегать, но столь важное решение не могло быть принято в один день. Четыре долгих месяца прошли, а Джиларди не получал ответа. Это промедление показалось ему знаком недоверия. Он предложил, чтобы его слова были проверены на месте официальным лицом, после чего можно было бы возобновить и довести до доброго конца переговоры или вполне их покинуть. Мысль эта имела успех. 2 февраля 1471 года большинством 119 голосов против двух отрицательных и двух нерешительных сенаторы постановили отправить в Золотую Орду секретаря Джана Баттисту Тревизана. Для путевых расходов ему было назначено вознаграждение в 300 дукатов помимо ежегодного жалованья. Синьория послала бы даже настоящего посла, если бы не громадность расстояния. Тревизан должен был представить эти затруднения Магомету, извиниться пред ним, осыпать похвалами его воинственный пыл, наконец, предложить ему 16 локтей сукна ценою в 89 дукатов. Венецианская щедрость не шла далее этого скромного подарка. Никакое денежное обещание не было сделано этим алчным ордам, которые никогда безвозмездно не обнажали меча и, наоборот, вымогали и у друга, и у недруга. Желая получить хорошие сведения, синьория поручила своему послу тщательно изучить природу, положение, средства тех стран, через которые ему придется проезжать, равно как нравы их жителей, их характер, их отношения. Возлагались большие надежды на умное и преданное содействие Вольпе, ибо Тревизан, сопровождаемый Джиларди, должен был остановиться на короткое время в Москве, передать официальное послание инициатору татарского союза, согласиться с ним относительно подробностей своего путешествия и потом отправиться в Золотую Орду, откуда он должен был представить донесение сенату. Оставим наших путешественников в их сборах в дорогу, они скоро появятся на сцене.

Глава 3. Брак в Ватикане

Брак с Зоей решен. Второе посольство Вольпе в Италию. Тревизан отозван в Венецию. Виссарион в Болонье. Письмо к сиенцам. Вольпе в Риме. Проекты Сикста IV. Его nepoтизм. Вольпе в Ватикане. Денеши миланских послов. Критика римских летописей. Законы смешанного брака. Пульчи и его описание наружности Зои. Торжественное совершение брака в Ватикане. Феодор Газский. Королева Боснии. Анна Нотара. Инцидент с кольцом. Союз с татарами отклонен. Приданое Зои. Ее свита. Антон Бонумбре. Папские грамоты. Прощальная аудиенция. Отъезд из Рима. Разнородный состав спутников Зои

Между тем как Джиларди вел переговоры в Венеции о татарском союзе, Вольпе снова принялся за брачный проект в Москве. Немедленно по возвращении он сообщил Ивану ответ папы. Снова в Кремле был собран совет. Все римские предложения были приняты. Оставалось только отправиться в Рим за принцессой Зоей. Это второе лестное поручение, естественно, выпало на долю того, кто так хорошо исполнил первое. Великий князь отправил письма кардиналу Виссариону и папе Калликсту, ибо так звали русские преемника Пия II, умершего 28 июля 1471 года. Летопись наивно прибавляет, что, собрав лучшие сведения в дороге, посланные Ивана выскоблили имя Калликста и заменили его настоящим именем папы – Сикст IV.

Вольпе отправился в Италию в январе 1471 года. Спутники его, вероятно, были русскими; источники упоминают только об их присутствии без более точных указаний. Первые известия об импровизированном посланнике исходят из Венеции; они не предвещают ничего доброго. 27 апреля 1472 года сенаторы решили отозвать Тревизана и вознаградить его за возвращение 150 дукатами. Мера эта была вызвана полученными из Москвы донесениями, в которых несчастный секретарь жаловался на то, что Вольпе совершенно его покинул. Лишенный этой поддержки, не зная туземного языка, он был не в состоянии исполнить своего поручения. Странные действия Вольпе подтверждают эти обвинения. Проезжая в то время по Италии в направлении к Риму, он, казалось, намеренно избегал Венеции, где сам же поднял столь важные вопросы.

В другом месте судьба более благоприятствовала московскому послу. В начале мая он встретился в Болонье с Виссарионом, отправлявшимся во Францию. Изнемогающий под бременем лет и болезни, кардинал отказывался от этой миссии, но настойчивость Сикста IV, убедительное письмо Людовика XI, может быть, тайная надежда увлечь французского короля в Крестовый поход заставили знаменитого старца пренебречь опасностями продолжительного путешествия. Он отправился служить делу церкви и своим громким голосом призывать народы в борьбе за Христа. Погруженный в эти заботы, друг Палеологов все же так думал о будущем Зои: об ее браке с могущественным государем Севера. Мы имеем только трогательное доказательство в письме, отправленном к сиенцам вслед за свиданием с Вольпе. Виссарион предполагал, что все препятствия будут устранены. Видя уже принцессу на дороге в Москву, он выражал желание, чтобы ее путешествие через Италию было триумфальным шествием, чтобы она предстала пред русскими как дочь великого народа, уважаемая Западом.

«Мы встретились в Болонье, – писал он сиенскому приору, – с посланником государя великой России, направлявшимся в Рим, чтобы заключить там от имени своего господина брак с племянницей византийского императора. Это дело составляет предмет наших забот и наших попечений, ибо мы всегда были воодушевлены чувствам благорасположения и сострадания по отношению к принцам византийским, переживавшим такое бедствие, и мы считали своим долгом помогать им постоянно ввиду общих связей наших с отечеством и

народом. Теперь, если этот посол повезет невесту через ваши пределы, мы усердно просим вас ознаменовать ее прибытие каким-нибудь празднеством и позаботиться о достойном их приеме, чтобы, вернувшись к своему господину, они могли сообщить о расположении народов Италии к этой девице. Ей это доставит уважение в глазах ее супруга; вам – славу, а для нас это такая услуга, что за нее мы постоянно будем вам обязаны». Нужно предположить, что Виссарион написал другие письма в том же роде и лично просил за принцессу болонцев, которые хранили доброе воспоминание о своем прежнем легате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.